

Да ниспошлет Господь любовь и мир
его душе, страдающей и бурной.

А.С. Пушкин

Вместо введения

ПЕРВЫЙ ВО ВСЕМ

Своим воцарением он остановил смуту, усобицу и череду вражеских нашествий.

За время правления он увеличил территорию страны больше чем в два раза. Земли, присоединенные им, являются нашими по сей день; их недра дают большую часть нашей природной ренты.

Он разрушил хищные рабовладельческие государства, мешающие крестьянскому освоению огромных пространств на востоке и юго-востоке.

Он организовал глубоко эшелонированную оборону южного пограничья, что позволило отнять у Дикого поля тысячи квадратных километров плодородной земли.

Он построил более семидесяти городов.

Он созывал представителей всех сословий и земель своей страны на всеобщие собрания; восстанавливал выборные органы самоуправления крестьянских и городских общин.

Он провел подлинную антифеодальную революцию, уничтожая привилегии родовой аристократии и феодальные «государства в государстве». Он вырвал с корнем феодальный сепаратизм, на многие столетия обезопасив страну от распада.

Он провел реформу землевладения, превратив вотчинников, самовластно владеющих огромными землями, в служилых дворян, обязанных защищать рубежи страны.

Он организовал правильную централизованную систему управления страной и привлек к нему даровитых людей из низших слоев общества.

Его трудами возникло регулярное войско, было положено начало артиллерии как роду войск и военному флоту.

Он боролся за выход страны к морям, к мировым торговым коммуникациям, за свободу торговли, против фактической блокады, установленной соседними государствами.

Он содействовал становлению торгово-промышленного класса, при нем начал складываться общенациональный рынок.

В церковной жизни его усилиями была утверждена выборность духовенства. При нем были заложены основы начального образования и социального обеспечения, организован выкуп пленных из вражеской неволи.

Он установил торговые и культурные связи с самыми высокоразвитыми странами того времени.

Он создал мультиэтническое, многоконфессиональное общество, где господствовали религиозная терпимость и этническая уживчивость.

Под его руководством страна выстояла в условиях войны на два фронта против коалиции мощных военных держав, пользовавшихся поддержкой двух крупнейших империй. Фактически третьим фронтом войны являлись неурожай и эпидемии чумы, а четвертым — предательство старой элиты, оставшейся от времен феодальной раздробленности.

Народ никогда не восставал против него, потому что в его замыслах фокусировались общественные чаяния, в его делах осуществлялись народные нужды.

Не зная его имени, всякий разумный человек сказал бы: какой мощный, интересный, умный правитель. Однако достаточно произнести его имя — Иван Грозный, — и в воображении возникают плахи, топоры и все такое прочее, а на заднем плане безумные глаза с картины Репина.

Он жил в жестокое время перехода от Средневековья к Новому времени, время слома старой феодальной системы, когда весь мир был залит кровью, но число жертв его правления — и виновных и невинных — было много

меньшим, а то и вовсе микроскопическим по сравнению с числом жертв Карла Смелого и Людовика XI, Изабеллы Кастильской и Карла V Габсбурга, Франциска I и Генриха VIII Тюдора, Карла IX Валуа и Филиппа II, испанских конкистадоров и немецких инквизиторов, Елизаветы I и Оливера Кромвеля, герцога Шарля Эммануэля II и шведских генералов времен Тридцатилетней войны, имена которых помнят только историки.

Однако, произнося «Изабелла», мы почему-то не рисуем в воображении сожженную на аутодафе плоть марранов и морисков. Слова «открытие Америки» не сочетаются у нас со словами «крупнейший геноцид». «Королева Елизавета» не соотносится с парусниками-слейверами, трюмы которых набиты неграми-рабами. Произнося «Кромвель», мы вовсе не представляем ирландские селения, заваленные трупами. Ходя по Лувру, мы вряд ли думаем о том, что отсюда руководили крупнейшими массовыми убийствами. Видя благообразные портреты Франциска I и Шарля Эммануэля II, мы не говорим себе, что эти милые люди вырезали от мала до велика всех «еретиков» Прованса и Пьемонта.

Наоборот, мы рассуждаем о гуманизме, Ренессансе, знакомстве с кукурузой и картофелем, развитии предпринимательства и складывании мирового рынка. Мы говорим о прогрессе цивилизации, который идет, невзирая на давно обращенных в пепел «ведьм» и превращенных в удобрение «еретиков», на каких-то там индейцев и негров, которые, в общем-то, были людоедами.

Так, может быть, наше восприятие Ивана Грозного подвергалось длительной и целенаправленной обработке? И за этой обработкой стояли идеократические группировки, преследующие определенные политические цели?

Верное понимание эпохи Ивана Грозного неотделимо от осознания особенностей русского исторического пути. Может быть, пора, наконец, признать, что русский народ находился в иной внешней среде, чем европейские нации?

Различия были очень велики и по природно-климатическим условиям, и плодородию почв, и по естественным коммуникациям. (Автору, пишущему эти строки на берегу Рейна, разница видна невооруженным глазом.) И тяжесть среды гарантировала русским более стесненный, трудный путь развития, чем европейцам.

Более простые формы русского социума и более централистские формы его государственности в сравнении с той же Европой вытекали из меньшей естественной производительности русского сельского хозяйства. Вдобавок русские занимали особое положение — между агрессивной Европой и кочевой Азией, между полями и садами Европы и степями Азии, между воинственным Западом и не менее воинственным исламом. Русскому обществу приходилось постоянно жертвовать многообразием в пользу сплоченности и обороны.

Уверен, что когда нам удастся отмыть эпоху Ивана Грозного от многословного слоя гуано, изверженного псевдоисторической литературой, то мы увидим сложнейший период в биографии нашего народа, который нуждался в волевым, стратегически мыслящем лидере и получил его. Собственно, тогда и было сформировано специфически русское «государство-нация», диалектическое единство, которое нельзя разрезать никаким скальпелем, не убив при том и государство, и нацию.

Эпоха Ивана Грозного неотделима от всего XVI века, который являлся осевым временем для всей человеческой цивилизации. Формально это было время, когда феодальная система разрушалась под ударами централизованных государств и торгового капитала. Но именно в XVI веке начался масштабный переход от доиндустриальной эры, длившейся десятки тысяч лет, к технологическому, машинному, индустриальному времени. Распалась связь времен, человеческое общество погрузилось в неустойчивое состояние творящего хаоса.

Прежняя устойчивость рушилась, высвобождая доселе

связанную энергию и разрушая миллионы человеческих судеб. А новое состояние устойчивости было за горизонтом предвидения даже самого мощного ума. (Описания будущего, данные такими «провидцами» XVI века, как Нострадамус, Кампанелла и Томас Мор, как говорится, полный «отстой». Это либо экстраполяция в грядущее текущей возни английского и французского короля, либо реанимация античных представлений об идеальном состоянии полиса-государства.)

Устойчивость — состояние менее вероятное, чем хаос. Чтобы пробиться к нему, надо иметь волю и уметь использовать высвободившуюся энергию. И в этом переходе через хаос для человечества не было готовых путей. Ведь оно не развивается по программе, его развитие происходит в столкновении интересов миллионов индивидуумов и малых групп, тысяч больших групп, сотен наций, десятков цивилизаций. Жизнь — это борьба, насколько бы банально ни звучал этот тезис.

Когда переход произойдет, человечество будет в гораздо меньшей степени зависеть от окружающей среды. Оно получит своего рода технологический метаболизм, обеспечивающий ему защиту от изменений внешней среды. Новый человек будет брать от внешней среды то, что ему нужно и когда ему нужно, извергая в нее отходы своей жизнедеятельности, но защищаясь от ее неблагоприятных воздействий. Будет построено общество всеобщего потребления и беспроblemного выделения. В биологической эволюции это можно сравнить с переходом от холодно-кровных (рептилий) к теплокровным животным (птицам и млекопитающим), более энергичным, подвижным, больше потребляющим и выделяющим, приспособленным к самым разнообразным условиям.

Во всем мире переход к Новому времени оказался сложным, тяжелым, кровавым процессом. Начался он в Западной Европе. И вовсе не потому, что в Западной Европе живут люди высшего класса, более изобретательные, умные,

свободные, с голубыми честными глазами и высоким лбом. Отбросим этот наивный расизм. Просто для вхождения в индустриальную эпоху именно у Европы сложились наиболее подходящие естественные условия: климат, география и т.д. Тогда как за четыре-пять тысяч лет до этого наиболее подходящие условия для перехода от неолитического общества к первым цивилизациям бронзового века сложились в долинах больших рек субтропического пояса — Янзцы, Инда, Евфрата, Нила.

Любая открытая система (биологическая, социальная, техническая) поддерживает свою устойчивость и организацию за счет увеличения дезорганизации и неустойчивости, т.е. энтропии, в остальном мире. Попросту говоря, для каждой развивающейся системы должна быть внешняя среда, которая обеспечивает это развитие. Часто упускается из виду, что к внешней среде для социальной системы относятся не только природа, поля, леса, недра, моря, животный мир, но и другие социальные системы. То есть люди.

Семьдесят-восемьдесят миллионов лет назад мелкие юркие млекопитающие, обладающие ускоренным обменом веществ, пожирали незащищенные яйца и приплод огромных рептилий. Двадцать-тридцать тысяч лет назад кроманьонцы убивали и съедали (увы-увы) плохо организованных неандертальцев, своих конкурентов в охоте на крупных травоядных животных.

Процесс перехода человечества к Новому времени сопровождался исчезновением или радикальным сокращением многих социальных групп и классов, например свободного крестьянства, монашества, аристократии.

Европейские страны начиная с XVI века превращают весь остальной мир в свою кормовую базу, «съедая» одну отсталую страну за другой. Сметаются барьеры, ограждающие общества с превалирующим натуральным хозяйством и слабо развитым рынком. Утилизируются целые части света — Южная, Северная Америка, Африка, Южная Азия, Восточная Азия, Австралия и Океания.

Начиная с XVI века западное общество создаст себе огромную периферию, обеспечивающую его дешевыми, а то и просто бесплатными ресурсами, принимающую излишки его населения и товаров. Это выступало в виде принуждения к неэквивалентной торговле, пиратства, колониальных захватов, работоторговли, плантационного рабства, а то и прямой зачистки территории от коренного населения, мешающего ее освоению. Развитие Запада происходит за счет роста энтропии в окружающей среде, которая теряет сложность и многообразие, в которой десятками погибали культуры и цивилизации.

Индейцы Карибского бассейна вымерли полностью уже через 25 лет после тесного знакомства с новым европейским человеком. Многочисленное индейское население Центральной Америки сократилось на девять десятых после прихода европейцев. Западная Африка стала на века заповедным полем охоты на людей, там исчезли города, не уступающие по численности европейским. Была разрушена цивилизация Индийского океана, цветущая от Восточной Африки до Явы. Но разрушение десятков культур, втаптывание многих народов в первобытное состояние даст толчок к быстрому развитию Запада, создаст накопления, на основе которых начнется крупное товарное производство, вначале мануфактурное, а потом и индустриальное. И полученные Западом технологические преимущества будут использоваться им для дальнейшего усиления эксплуатации слабых социумов.

«В флибустьерском дальнем синем море бригантина поднимает паруса». Эти строки хорошего поэта, приключенческие книжки Саббатини, Хаггарта, голливудские пираты — вот и все, что осталось в массовом сознании от этой эпохи великих западных завоеваний. Победитель, естественно, определил, что должно выглядеть красиво.

Россия в XVI веке по совокупности объективных условий не относилась к лиге передовых государств, приступающих к утилизации остального мира. Напротив, и об

этом часто забывают, она сама могла выступить в роли «внешней среды» и разделить участь Западной Африки или Центральной Америки. Внутриконтинентальная замкнутость «системы Русь» в зоне холодного климата, рискованного земледелия, уязвимых транспортных коммуникаций делала ее крайне неустойчивой к неблагоприятным воздействиям внешней среды, превращая ее в систему-донора, накапливающую энтропию. Оттого и задачи Ивана IV носили на порядок более тяжелый характер, чем у любого современного ему западного правителя. Развитие страны могло быть достижимо только в борьбе против стесняющих факторов, но борьба отнимала силы у развития.

Герой Льюиса Кэрролла говорит о том, что надо бежать очень быстро, чтобы остаться на своем месте. В какой-то мере эти слова относятся и к Ивану Грозному. Ему надо было действовать быстро, потому что агрессивная внешняя среда отнюдь не ждала, пока у него все получится, — соседние страны хорошо зарабатывали на слабости России.

Ассирия, Персия Ахеменидов, Западная и Восточная Римская империи, тюркский каганат, империи Карла Великого и Чингисхана, Золотая Орда, государства инков, ацтеков и майя, империя индийских моголов, литовско-русское государство показывают нам примеры мощных государственных образований, которые исчезли, потому что не успели найти новый тип устойчивости при резких изменениях внешней среды. Если проводить биологические ассоциации, то они были огромными рептилиями с замедленным метаболизмом, оказавшимися беззащитными перед юркими хищными соперниками.

Сегодня на территории Центральной и Восточной Европы, обеих Америк, Азии, Африки найдется очень немного государств, сохраняющих прямую преемственность от государств и государственных образований XVI века (достаточно взглянуть на карту). Канули в Лету бесчисленные царства, королевства, герцогства, племенные союзы и кня-

жества. Были ассимилированы, а то и просто истреблены сотни народов и племен.

А единое государство Российское существует уже пять веков, занимая седьмую часть суши. И уже более тысячи лет на нашей территории существуют в непрерывности русская культура, язык и церковь. «Единство» и «непрерывность». Это, кстати, не правило для исторической сцены. Мало кто задумывается о том, что герои французского эпоса говорили по-германски, английская знать до XIV века понимала только французский, что большинство европейских народов пятьсот лет назад поменяло религию, что единой немецкой или итальянской нации всего лишь около 140 лет, что население современной Америки в массе своей не имеет отношения к доколумбовой эпохе ни по языку, ни по вере, ни по культуре.

В силу объективных причин (некоторых из них я коснусь дальше) Россия почти никогда не имела возможностей для легкого накопления сил и равномерного поступательного движения. Этим пользовались другие государства, да и нередко собственно российские элитные группы, которых вполне устраивала ее роль источника сырья и товаров с небольшой добавленной стоимостью. Та роль России, которая вела ее к исчезновению с мировой карты.

Индустриализация, переход к машинной технологической цивилизации, в России завершится только к середине 1950-х годов, столетием позже, чем в Британии. Но в Китае, Индии, Иране, в большинстве латиноамериканских стран процесс индустриализации идет до сих пор, а на большей части Африки он фактически и не начинался. И при всей тяжелой исторической судьбе России, надо прямо сказать, что Китаю пришлось еще тяжелее. Нам повезло, потому что на траектории нашего движения стояли своего рода «ускорители». И Иван Грозный был одним из них.

Если опять провести биологическое сравнение, то в 1547 году бояре передали царю государство, напоминаю-

щее неповоротливого травоядного динозавра, где голове очень трудно управлять хвостом и ногами и от которого юркие противники отрывают живые куски. И прежде чем добиваться ускорения метаболизма, надо было оснастить этого «динозавра» клыками, когтями и мощным панцирем, сделать голову ближе к хвосту и ногам.

Самым неприятным в исторической судьбе России оказались не трудности модернизационных скачков (первый из которых совершил Иван Грозный), а идеологическая слабость и зависимость ее элиты. Наша элита воспринимала западные страны, которые развивались легче, чем Россия, как страны высшего сорта, где живут более умные люди. Это восприятие от аристократов XVI и XVII веков перешло к дворянской интеллигенции XVIII и XIX веков.

«Иностранцы были умнее русских: и так от них надлежало заимствовать...» — писал писатель-сентименталист Карамзин, назначенный верховным историком Российской империи. И хорошо, если бы заимствовали у «умных иностранцев» технические достижения (в конце концов, и Запад много заимствовал у арабов и византийцев), однако мы брали оттуда примитивное расистское восприятие России и русских как изначально неполноценного государства и варварского глупого народа.

К XXI веку страны-везунчики успели пройти предындустриальную (торгово-колониальную), индустриальную, постиндустриальную фазы развития, накопили необходимые средства и начали переход к информационному обществу, когда владение информацией важнее, чем обладание вещественными ценностями. Мы уже живем в фантастическом мире, где господство над информационными потоками и использование мощных финансовых инструментов виртуального характера позволяют самой развитой стране, простите за сельскохозяйственное сравнение, «доить» почти весь остальной мир.

Сегодня, когда история должна стать естественной наукой и научно объяснять мир, как это делают физика и

биология, она все больше превращается в информационно-пропагандистский инструмент. Он находится в руках политиков, обеспечивая их власть над умами, в угоду властителям информационного пространства штампует ярлыки — тут «жертва», там «палач», тут «отсталость», там «прогресс», тут «свобода», там «деспотия».

Такая «история» конструирует новые мифы с каждым новым сезоном политической моды. У такой «истории» будет много «историков», псевдоисториков («псевдориков», если читатель позволит мне краткий неологизм). И пусть мышление у них не научное, не имеющее отношение к историзму, они будут издавать книги, писать сценарии и выступать по телику, потому что за такую «историю» хорошо платят.

А история как наука сегодня находится в параличе, показывая все больший разрыв с естественно-научными дисциплинами, хотя до начала XIX века они шли, можно сказать, вровень, и взгляды Гиббона и Бокля по «научности» ничем не уступали взглядам Ньютона и Ламарка.

ПОНЯТЬ РОССИЮ УМОМ

Природно-климатические условия страны, в которой правил Иван Васильевич Грозный

Почему Россия не... Мнения классиков

Каким-то общим принципом у псевдориков со времен писателя-сентименталиста Н.М. Карамзина является чрезвычайно узкое изображение эпохи Ивана Грозного, куда попадает только «биография» царя, причем сочиненная его прямыми недругами. Я же буду исходить из того, что Иван Грозный является деятелем русской истории во всей ее протяженности, русской географии, климата, природы. Его биографию невозможно оторвать от объективных обстоятельств, в которых находилась страна, потому что при всей силе своей личности он никогда не шел вразрез с общественной необходимостью. Иначе бы он не процарствовал и полгода.

Забавны те «исследователи» Ивана Грозного, которые пишут о его правлении, имея весьма приблизительное понятие о том, какой страной он правил. Для них не играет никакой роли, что за почвы были в Московском государстве, какие температуры января и июня, какова была средняя урожайность ржи. Если выбросить все это из рассмотрения, тогда сложнопостижимая эпоха становится про-

стой и удобной, а личность первого русского царя — набором из десятка мифов и ярлыков.

У наших псевдориков, как у завзятых схоластов, любые ссылки на природные факторы считаются проявлениями почвенничества, черносотенства, гэбизма, чуть ли не фашизма. Если есть замечательные неизменные «ценности», такие как «свобода» и «демократия» (универсалии, как называли их средневековые схоласты), то зачем думать о гумусе и прочих низменных вещах. Лучше попить кофейку с друзьями-гуманитариями и забалачить пару новых обличений деспотизма и тирании. С борьбой против тирании легко попасть на экран телевизора. А по почвеннику Гуантанаму и Абу-Грейб плачут.

Однако серьезная наука, и у нас, и на Западе, придает «низменным вещам» первостепенное значение.

«Климат является важнейшим элементом природы, который играет решающую роль в формировании окружающего человека ландшафта, растительного и животного мира, определяет возможности и направления сельскохозяйственной деятельности и развития ремесел. Природно-климатическая обстановка одновременно является мощным этнообразующим фактором, поскольку в ней вырабатываются определенные трудовые навыки и стереотипы поведения, формируются нормы морали и культуры. Таким образом, климат, вероятно, влияет на все основные элементы человеческой деятельности, материальной или духовной, составляющей основное содержание исторического процесса», — определяют ведущие ученые-климатологи В.В. Клименко и А.М. Слепцов.

Есть множество описаний природно-климатических условий Русской равнины, созданных талантливой научно-художественной рукой. Вот что пишет о географических особенностях русского государства классик С.М. Соловьев:

«Известны выгодные условия для исторического развития, которые европейские народы находят в географиче-

ских формах своей части света: выгодные для промышленного и торгового развития отношения моря к суше; выгодное для быстроты исторического развития разделение на многие небольшие, хорошо защищенные государственные области, разделение, а не отчуждение, производимое в других частях света степями и слишком высокими горами, умеренность климата и т.д. Но все эти благоприятные условия сосредоточены в западной части Европы, а нет их у нас на восточной, представляющей громадную равнину, страдающую отсутствием моря и близостью степей. Причины задержки развития в неблагоприятных внешних условиях ясны, следовательно, для нас с первого взгляда...»

География свидетельствует о том, что у исторического центра русского государства не было естественной защиты, какую, например, имели Англия и Япония, защищенные морями, или Швейцария, прикрытая горами. Исторический центр России был открыт не только вражеским нашествиям со всех сторон, но и «вторжениям» арктического воздуха. Это приводило к гибели посевов во время суровых бесснежных зим, а также во время весенних и осенних заморозков. На южной окраине другую опасность создавали сухие юго-восточные ветра, прилетающие из пустынь Центральной Азии и приводящие к засухам. Русские степи, за которые начнется упорная борьба во времена Ивана Грозного, гораздо засушливее, чем находящиеся на этих же широтах степи канадские. В историческом центре России нет незамерзающих рек, так же как и незамерзающих морских портов.

Заглянем в географические атласы, вышедшие до начала глобального потепления. Они свидетельствуют о том, что граница исторической России проходит по изотерме января -8°C , и о том, что большая часть ее территории находится за изотермой января -20°C .

Вот что пишет В.О. Ключевский о характерной особенности российского климата — малом изменении температур с севера на юг и быстром их понижении с запада на вос-

ток: «Нигде на обширных материковых пространствах, удаленных от морей, температура не изменяется по направлению с севера на юг так медленно, как в Европейской России, особенно до 50° северной широты (параллель Харькова). Рассчитали, что ее подъем в этом направлении — только 0,4 на каждый градус широты. Гораздо заметнее действует на изменение температуры географическая долгота. Это действие связано с усилением разности температур между зимой и летом по направлению с запада на восток; чем далее на восток, тем зима становится холоднее, и различие в зимнем холоде по долготе перевешивает разницу в летнем тепле по широте с севера на юг».

У кого энергия, у того прогресс. Гольфстрим

Можно предположить, что температуры понижаются с запада на восток не только на европейской территории России, но и во всей Европе. Так оно и есть на самом деле. Придемся по карте к западу от исторической России.

Энергия — основа всего. А природа дала Европе дармовой источник энергии мощнее тысячи АЭС. Прежде чем петь осанну европейскому благополучию и комфорту, надо отдать должное Гольфстриму. Вот основной источник европейского чуда. Он поистине заслуживает тех славословий, которые почему-то обращены к Кромвелю и Черчиллю, к «среднему классу» и ротшильдам. Западники и либералы просто обязаны поставить Гольфстриму памятник в виде термометра, скрещенного с барометром, а к его подножию возлагать цветы, а также прочую продукцию европейских садов и огородов.

Гольфстрим обеспечивает большей части Европы умеренный морской климат без резких сезонных и суточных перепадов. Блага, даруемые Гольфстримом, хорошо подкреплены и другими особенностями европейской географии. Европа защищена как от холодных арктических вет-

ров, так и от иссушающих южных ветров горными хребтами и морями.

Мощность энергоцентрали, именуемой Гольфстримом, составляет (после соединения с Антильским течением) 82 млн кубометров воды в секунду, что в 60 с лишним раз превышает сток всех земных рек. В Норвегии Гольфстрим дает температуру на 15 — 20° выше, чем могло быть исходя из широтности. Не будь его, в Великобритании, Нидерландах и большей части Германии пейзаж представлял бы собой тайгу и лесотундру, прибрежные воды и реки надолго закрывались бы льдом, а плотность населения была бы на порядок ниже.

Теплый влажный воздух, переносимый Гольфстримом, повышает температуру воздуха по всей Западной Европе, но действие океанского течения постепенно ослабевает с запада на восток. Вместе с тем с запада на восток падает и плотность европейского населения. Зависимость плотности населения от температуры самого холодного месяца хорошо видна на демографических картах. Фактически этот показатель определяется количеством биомассы, производимой землей и водой.

В середине XVI века плотность населения в Московской Руси (3—5 человек на кв. км) была в четыре-пять раз меньше, чем в более западной Польше (21 человек на кв. км), и почти в 10 раз меньше, чем в гораздо более западной Франции¹.

В условиях, когда основным средством передвижения являются конские и человеческие ноги, одновременно с уменьшением плотности населения происходит и понижение интенсивности хозяйственного и социального взаимодействия людей. При незначительной плотности населения невозможно даже организовать более-менее интенсивные системы земледелия, как, например, трехполье.

---

¹ История России с древнейших времен до конца XVII века. Под ред. ак. Л.В. Милова. М., 2007, с. 297.

С.М. Соловьев обрисовывает, какую роль играет фактор плотности населения для развития цивилизации: «Понятно, что общая жизнь, общая деятельность в народе может быть только тогда сильна, когда народонаселение сосредоточено на таких пространствах, которые не препятствуют частому сообщению, когда существует в небольшом расстоянии друг от друга много таких мест, где сосредоточивается большое народонаселение, мест, называемых городами, в которых, как мы уже видели, развитие происходит быстрее, чем среди сельского народонаселения, живущего небольшими группами на далеком друг от друга расстоянии».

И хотя сегодня естественные факторы сильно затушены технологическими влияниями индустриальной эпохи, в историческом разрезе они определяют более или менее благоприятные условия для развития той или иной страны.

Даже в начале XXI века уровень развитости европейских регионов очень сильно коррелирует с близостью к Гольфстриму. Чем дальше на запад, к теплomu океаническому течению, тем развитее регионы, чаще стоят города. Конечно, и в XVI веке были исключения — например, Ирландия, нещадно разоряемая англичанами уже около 400 лет, но такие исключения еще больше подтверждали правило.

Справочники свидетельствуют также о том, что и сегодня дом на Русской равнине будет в три раза тяжелее, чем дом с такой же полезной площадью на западе Европы (из-за более мощного фундамента и стен), что он будет многократно больше потреблять энергии на отопление и чаще требовать ремонта из-за сезонных и суточных температурных колебаний и большего количества твердых осадков в виде снега. То же относится и к дорогам, и к другой недвижимости.

Итак, Гольфстрим — это мягкий климат, способствующий земледелию и скотоводству, уменьшающий стоимость капитального строительства, ремонта и отопления. Осо-

бенностью Европы является и очень внушительная протяженность береговой полосы — и везде выход в море открыт, морские воды нигде и никогда не замерзают опять-таки благодаря Гольфстриму. Не замерзают и внутренние водные коммуникации.

Незамерзающие воды — это круглогодичная даровая энергия течений рек и морских ветров, которая переносит суда с людьми и грузами. Подсчетов на этот счет я пока нигде не нашел, они вряд ли и появятся, прежде чем история превратится в серьезную системную науку. Однако можно понять интуитивно-эмпирическим путем, что цивилизация, в которой транспортное сообщение (то есть обмен результатами труда) энергетически дешево, имеет преимущества перед цивилизациями, где это сообщение многократно дороже.

В общем, закон «чем дальше на Запад, тем лучше» легко объясним. Чем больше дешевой энергии, тем выше уровень развития территории. Вплоть до определенного предела, конечно, чтобы ее мощность не стала убивать и разрушать. Но европейские высокие широты являются прекрасным верхним ограничителем для потока солнечной энергии, которая оказывает свое разрушительное воздействие на южном берегу Средиземного моря, в Северной Африке.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО И РУССКАЯ ЭЛИТА

Этапы большого пути

Русь Речная. Варяжская

Невозможно говорить о тех преобразованиях, которые произошли в русском государстве эпохи Ивана Грозного, если не представлять, из каких пластов оно было сформировано за предшествующие 600 лет.

Начало русского государства было относительно случайным. Климатический оптимум IX—XII веков (сходный с современным «глобальным потеплением») сместил сроки замерзания рек и открыл балтийско-черноморский и балтийско-каспийский пути для торговых коммуникаций. В то время ныне ледяная Гренландия представала зеленой страной, а Ньюфаундленд был местом, где выращивался виноград.

Вместе с климатическим оптимумом в бассейны восточноевропейских рек пришли дракары руотси-руси. Эта общность людей, происходящая с берегов Балтики, была этнически смешанной. Она несла внушительный финский элемент — что показывают современные этногенетические исследования, обнаруживающие угрофинский, а если точнее, североазиатский маркер № 3 в мужской Y-хромосоме у потомков Рюрика. По мнению некоторых исследователей, к числу которых относился М. Ломоносов и сам

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения. Первый во всем	5
Понять Россию умом. Природно-климатические условия страны, в которой правил Иван Васильевич Грозный	16
Русское государство и русская элита. Этапы большого пути	23
Европа XVI века. Переход к Новому времени	67
Московская Русь Ивановой юности. Боярщина	80
Дней Ивановых прекрасное начало. Реформы	122
Предыстория. Восточный аркан	164
Восточные войны 1549—1557 годов	194
Предыстория. Германский молот: шведы и немцы на северо-западных рубежах Руси	217
Ливония накануне войны	227
Предыстория. Польская сабля: раздел Руси	231
Польша и Россия. Принципиальное противостояние	245
Ливонская война, или Первая русско-европейская война	254
Антифеодальная «опричная» революция	301
Феодальное сопротивление	331
Второй этап Ливонской войны	368
Третий этап Ливонской войны. Отечественная война 1579—1582 годов	397
Продвижение на Северный Кавказ. Освоение Кольского полуострова, Урала и Сибири	440
Иван Грозный и будущее России	448
Библиография. Список использованной литературы	470